

А.В.Прокофьев

УДК 174

Автономия профессионала и автономия профессии

Аннотация. В статье проведен анализ двух видов автономии, на которую опирается профессионально-этическое регулирование: автономии отдельного профессионала и автономии профессии (профессионального сообщества). Исследование призвано сформировать теоретический контекст обсуждения вопроса о полномочиях профессиональных сообществ (ассоциаций) в отношении своих членов. Оно стало результатом запроса одной из осуществляющих лицензирующие функции профессиональных ассоциаций на проведение экспертизы по делу об исключении из числа его членов нарушителя этического кодекса. Основой анализа является так называемый «оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии» (Дж.Иветтс). В рамках этого подхода деятельность профессионала отличается такой способностью использования знаний и умений, который предполагает высокую степень независимости как от потребителя его услуг (клиента), так и от вмешательства со стороны различных общественных институтов. Эту сторону деятельности профессионалов часто называют их автономией. Осуществление такой автономии возможно лишь при высокой степени доверия со стороны клиентов и общества. Гарантом того, что специалист достоин доверия, может быть лишь сообщество самих профессионалов, обеспечивающее их ориентацию на идеал служения общему благу, разрабатывающее нормативные требования к их деятельности и отслеживающее исполнение таких требований. Для того, чтобы сохранялись преимущества профессиональной экспертизы и профессионального исполнения, сообщество также должно иметь высокую степень независимости от общественного контроля. Автономия профессии является фундаментом автономии профессионала. Несмотря на то, что оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии можно считать в целом обоснованным, учет аргументации его критиков заставляет дополнять меры по обеспечению автономии профессиональных сообществ (ассоциаций) институциональными механизмами выражения недоверия им.

Ключевые слова: мораль, профессиональная этика, автономия профессионала, автономия профессионального сообщества (ассоциации), Э.Фрейдсон

Об одной этической экспертизе

Прикладные этические исследования довольно часто вырастают из практики экспертной, консультационной или организационной деятельности, в которую оказывается вовлечен конкретный прикладной этик. Данная статья имеет именно такую судьбу. Необходимость

специального обращения к проблематике профессиональной автономии актуализировалась для меня в связи с недавним предложением выступить в качестве эксперта в связанном с профессиональной этикой судебном деле. Я ответил согласием на просьбу одной из адвокатских коллегий ответить на ряд вопросов, касающихся нормативного содержания и механизмов функционирования профессионально-этического регулирования и оформить их в виде экспертного заключения. Дело касалось вынесенного ранее коллегией решения об исключении одного из своих членов в связи с нарушением им требований адвокатской этики. Нарушение состояло в критических, а по мнению этической комиссии коллегии, не просто критических, но неуважительных и оскорбительных публичных высказываниях в адрес профессионального сообщества. Исключенный член коллегии обжаловал это решение в суде, и коллегия оказалась перед лицом необходимости доказать суду оправданность исключения.

Отстаивая свою позицию, она обратилась к нескольким экспертам по вопросам профессиональной этики, выбрав, на мой взгляд, вполне разумный, «эшелонированный» подход к выбору тем экспертных заключений. Часть запросов была направлена специалистам по профессиональной этике юриста. Они, имея представление о конкретном кейсе, оценивали адекватность решения коллегии в перспективе конкретных этических документов и действующего законодательства РФ. Один запрос, направленный в мой адрес, касался исключительно общего контекста разбиравшегося случая. От меня требовался не анализ ситуации, о которой я имел лишь самые общие сведения, а ответ на некоторые вопросы о профессиональной этике в целом, которые коллегия как сторона судебного процесса собиралась использовать для подтверждения правоты собственной позиции. Вопросы были следующими: «Распространяются ли нормы профессиональной этики на действия представителя сообщества вне рамок исполнения им непосредственных профессиональных обязанностей?»; «Можно ли зафиксировать исчерпывающий перечень поступков, которые являются нарушением этических норм?»; «Допустимо ли толкование, разъяснение судом порядка применения профессиональных этических норм, разработанных саморегулирующимся профессиональным сообществом (ассоциацией)?».

Отвечая на первый вопрос, я указал на то, что среди задач профессиональной этики присутствует такая задача как сохранение авторитета профессионального сообщества в глазах общества в целом, а также его отдельных групп и представителей. Это связано с тем, что общественно полезная деятельность профессионалов оказывается заметно менее успешной в том случае, если они перестают

восприниматься общественным мнением как уважаемая корпорация, состоящая из специалистов, добросовестно и ответственно исполняющих свои функции. В этой связи создатели профессионально-этических документов стремятся разграничить между собой те поступки, которые идут в разрез с нормами общечеловеческой морали, но не затрагивают профессиональную пригодность специалиста, и те, которые, несмотря на отсутствие прямой связи с профессиональной практикой, свидетельствуют о непрофессионализме совершающего их человека. Последние подвергаются этическим санкциям разной степени жесткости – вплоть до отказа принять в сообщество или решения об исключении из него¹. Однако на этических органах профессионального сообщества (уполномоченных, комиссиях, комитетах) лежит обязанность добиться того, чтобы нормы общечеловеческой морали не получали ригористическую и морализаторскую интерпретацию, случаи их нарушения рассматривались в широком биографическом контексте и в связи с их потенциальным влиянием на деятельность специалиста, а неуважение к институтам профессии не смешивалось с их предметной, содержательной, основанной на фактах критикой.

Во втором случае мой ответ опирался на утверждение, что профессионально-этическая нормативность совмещает в себе требования, дублирующие правовые предписания и должностные обязанности профессионала, с требованиями, которые не совпадают с ними. Соответственно, нарушение требований второго рода не может быть зафиксировано с помощью правовых или дисциплинарных процедур. Причина невозможности также двояка: а) они представляют собой независимое дополнение к правовой, должностной и дисциплинарной нормативности; б) в какой-то своей части они являются не предписаниями, обращенными к поступкам, а требуют от профессионалов формировать определенные психологические установки или убеждения («будь таким-то», «уважай такие-то ценности» и т.д.). Вынесение оценок, связанных с нарушениями нормативных ориентиров, сформулированных как ценности или добродетели, является чрезвычайно сложной задачей, которая решается в ходе коллективного обсуждения поступка или серии поступков людьми, имеющими

¹ В зарубежной практике этического регулирования деятельности юристов задача решается за счет выдвижения следующих критериев принадлежности к сообществу: соответствие поведения человека доминирующим в обществе «личным ценностям», отсутствие вопиющих случаев нечестности (в том числе получивших судебную оценку), уважительное отношение к правовому порядку в целом и отдельным юридическим институтам (см., напр.: [24, 248]).

большой опыт работы по профессии, проникнутых ее базовыми ценностями и имеющих значительный авторитет среди членов ассоциации. Именно они и должны входить в этические комиссии и комитеты. В процессе вынесения этической оценки на основе коллективного обсуждения кейсов решающую роль играет учет большого количества таких факторов, которые превращают каждый обсуждаемый случай в глубоко контекстуализированный и даже уникальный. Следует, однако, иметь в виду, что требования обсуждаемого типа относятся в основном к тем действиям, которые по общему правилу не выступают основанием для применения радикальных санкций, граничащих с правовой или дисциплинарной ответственностью. Отклонения от ценностей профессии, не являющиеся нарушениями прямого предписания или запрета, содержащегося в этическом кодексе, влекут за собой не столько лишения и ограничения, находящиеся в пределах компетенции этической инфраструктуры, сколько вынесение публичных оценок, призванных актуализировать у нарушителя чувство стыда перед «значимыми другими». Такие отклонения могут становиться поводом для более жестких санкций только в связи с их систематичностью (серийностью).

Ответ на третий вопрос, который я приведу в конце данной статьи, потребовал обсуждения границ независимости профессиональных сообществ и ассоциаций. В современной литературе по профессиональной этике это пространство теоретического поиска часто называют «проблемой автономии профессии». А она, в свою очередь, тесно связана с проблемой независимости, или автономии, отдельного профессионала. Отвечая на вопрос экспертизы, я опирался на конкретный образ, или конкретную модель, профессиональной практики, в рамках которой сочетание автономии профессионала и автономии профессии является важным инструментом реализации общественного блага. При этом я не рассматривал альтернативные подходы и формирующиеся на их основе возражения, поскольку не считая, что эти возражения достаточно сильны, чтобы повлиять на экспертную оценку. Однако формат статьи позволяет обратиться к этому материалу.

Оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии

Существует образ профессии, который выкристаллизовался в первой половине XX в. и основан на осмыслении практики и способов самоорганизации таких видов трудовой деятельности как врач и юрист-представитель. Этот образ включает в себя несколько характеристик профессиональной деятельности, которые замкнуты друг на друга и легко складываются в целостную концепцию, являющуюся не

только социологическим описанием профессии, но и ее моральным обоснованием (своего рода нравственной апологией профессионализма). Известный современный социолог Дж.Иветтс назвала этот вариант понимания феномена профессии «оптимистическим взглядом на трудовую ценность профессионализма» [10, 410]. В формировании подхода участвовали такие видные фигуры в интеллектуальной истории Западной Европы как Т.Парсонс [25] и Р.Тауни [27], а также менее выдающиеся социологи [16, 17]. В российской этической традиции оптимистическое понимание трудовой ценности профессии самоотверженно отстаивается в многочисленных работах В.И.Бакштановского. Квинтэссенцией его понимания феномена профессионализма является формула: «ответственность не только за *правильное* исполнение работы, но и за исполнение *правильной* работы» [2, 10].

Позитивный образ профессиональной деятельности складывался в связи с двумя ее особенностями: 1) способностью профессионала в силу специфического характера его знаний и умений наиболее эффективно удовлетворять потребности общества и отдельных его членов; 2) прямой ориентацией на идеал служения общественному благу (вернее, каким-то отдельным его аспектам). По замечанию Т.Дональдсона, каждая из этих особенностей может выступать в качестве центрального свойства профессии внутри какой-то конкретной «оптимистической» концепции профессионализма, но, в конечном итоге, она все равно дополняется за счет введения второй, хотя бы на вспомогательной роли. Концепции «набора знаний и умений» неизбежно смыкаются с концепциями «защиты уязвимых ценностей» и насыщают образ профессии иными, дополнительными характеристиками [8, 87–88].

Отвлекаясь от многообразия частных теоретических схем, я попытаюсь представить «оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии» в самом общем виде. Профессионал, в отличие от представителя какого-то непрофессионального вида трудовой деятельности (для этих видов в англоязычной исследовательской литературе часто используется понятие *occupation*), исполняет такие функции, которые требуют продолжительного обучения, совмещающего освоение глубоко специализированного теоретического знания с выработкой способности творческого применения своих знаний к уникальным ситуациям. Задачи профессионала никогда не исчерпываются реализацией (пусть даже очень точной, быстрой и эффективной) ряда стандартизированных операций и могут быть решены лишь на основе квалифицированного экспертного суждения. В этой связи он приобретает приоритетное право высказываться по поводу пред-

метов его специализации – своего рода монополию, которой лишены неспециалисты. Это формирует изначальную асимметрию в отношениях профессионала и тех, кто обращается к нему за советом или помощью, т.е. его «клиентов». Такая асимметрия является следствием не только того, что у одних людей имеются особые знания и умения, а у других они отсутствуют, но также особых эмоциональных установок, которые сознательно культивирует в себе профессионал (среди них – объективность и отстраненность). Именно поэтому успешность деятельности профессионала оказывается под вопросом, когда он пытается обслуживать собственные потребности или потребности своих близких.

Отношения между профессионалом и клиентом качественно отличаются от отношений покупателя и продавца (даже если перед нами покупка и продажа услуг, а не товаров). Покупатель исходит из посылки, что ему известны свойства желаемой покупки. Он диктует свои требования продавцу-посреднику или продавцу-производителю. В профессиональном контексте речь идет, скорее, не об оплаченном исполнении желаний, а об удовлетворении довольно общих и неопределенных потребностей клиента и, соответственно, о решении столь же неопределенных задач, которые ставит клиент перед профессионалом. В этой связи уже не только сам клиент, но и привлеченный им профессионал определяет (или хотя бы конкретизирует) благо и зло для клиента. Последнему не остается ничего другого, кроме как принять профессиональное суждение или обращаться к разным профессионалам. Но в любом случае он оказывается вынужден доверять кому-то из них или их консилиуму. Кроме того, клиенту не доступна глубокая и всесторонняя оценка возможностей решения той его проблемы, с которой он обратился к профессионалу. Ему не известен весь арсенал имеющихся средств ее разрешения и отношение каждого из этих средств к его собственному уникальному случаю. Это также влечет за собой невозможность полноценного контроля и необходимость обоснованного доверия профессионалам со стороны клиентов. Подобный характер отношений с клиентом представляет собой первую сторону такого явления как автономия профессионала. Для получения всех тех выгод, которые дают квалифицированная экспертная оценка практических ситуаций и опирающиеся на нее действия, направленные на разрешение практической проблемы, специалисту необходимо предоставить возможность принимать и осуществлять находящиеся в области его компетенции решения независимо. Конечно, автономия клиента также должна быть защищена. Он должен получать от профессионала достаточную информацию об альтернативных способах реагирования на его по-

требности, ему должно быть предоставлено всесторонне обеспеченное право обращаться к разным профессионалам и т.д. Но даже при самой широкой трактовке автономия клиента никогда не будет равна автономии простого покупателя, поскольку в этом случае будут потеряны все плюсы обращения к услугам профессионала².

Другая сторона автономии профессионала касается уже не его отношений с клиентами, а его отношений с обществом, которое, по разным причинам, может пытаться поставить его практику под свой контроль. Это могут быть попытки подчинить профессиональную деятельность каким-то политико-идеологическим задачам, а могут быть и просто меры, направленные на защиту интересов клиента. Второй аспект внешнего социального контроля над профессиональной практикой является более значимым в том смысле, что он не связан с каким-то частным, требующим коррекции состоянием общества. Стоящая за ним потребность совпадает с той потребностью, которую, в конечном итоге, удовлетворяет сама по себе профессиональная деятельность – обеспечение блага общества и его отдельных членов. Механизмы внешнего социального контроля призваны придать деятельности профессионала прозрачность за счет использования общедоступных критериев оценки его деятельности (его экспертных суждений, решений и способов их реализации). Обратной стороной введения таких критериев является признание возможности создать более или менее строгие технические правила, по которым профессиональные решения уже не оцениваются, а принимаются и реализуются. Однако в этом случае стремление защитить клиента прямо ведет к алгоритмизации деятельности профессионала, а это грозит потерей всех преимуществ обращения к специалисту именно этого типа. Соответственно, профессиональная деятельность может быть эффективной лишь в том случае, если профессионал будет иметь существенную независимость не только по отношению к тем, кто пользуется его услугами, но и по отношению к любым внешним источникам контроля, сковывающим и тривиализирующим профессиональное суждение.

Таким образом, автономия профессионала таит в себе скрытый парадокс. Позиция профессионала по отношению к клиентам является асимметричной в том, что касается знаний и возможностей. Она постоянно порождает искушение злоупотребить доверием ради реализации различных собственных интересов. Вместе с тем, внешний контроль или устранение асимметричности отношений с клиентом

² Образцовое описание отличия отношений профессионал – клиент и продавец – покупатель услуг см.: [28, 23–24].

могут уничтожить все те потенциальные блага, которые обещает обществу и его членам профессионализация отдельных видов труда. Соответственно, для выхода из тупика необходимо найти такие средства, которые, во-первых, формировали бы у клиентов и общества доверие к профессионалам, несмотря на недоступность деятельности последних для эффективного прямого контроля; во-вторых, резко ограничивали бы количество случаев злоупотребления доверием со стороны профессионалов, а также количество имитаций профессиональной деятельности как откровенно корыстных, так и бескорыстных. Одним из средств выхода из подобного тупика считается профессиональное сообщество, обладающее культурно-идеологическими и организационно-институциональными проявлениями. У него имеются такие инструменты регулирования профессиональной деятельности, которые не разрушают эту важнейшую общественно полезную практику.

Взятое в своей культурно-идеологической ипостаси профессиональное сообщество является источником ряда убеждений, воспитываемых у его членов в ходе длительной профессиональной подготовки и поддерживаемых позднее на основе общения между коллегами. Среди таких убеждений – приверженность идеалам общественного служения и профессиональной добросовестности. Хотя профессиональная деятельность является средством материального обеспечения жизни профессионала, интерес в увеличении собственного благосостояния всегда совмещен у него с пониманием важности своего дела для реализации центральных потребностей общества. Репутация человека, честно и эффективно выполняющего важное дело, имеет для профессионала самостоятельный и очень существенный вес. Успешность профессиональной карьеры никогда не измеряется исключительно в категориях дохода и жизненного комфорта. Сохранение возможности осуществлять общественное служение серьезно влияет на все решения, связанные с изменением характера профессиональной карьеры или с уходом из профессии. Если система формирования этих убеждений эффективна, то у клиентов больше оснований доверять профессионалу, а общество в целом – в лице государственных управленческих структур или неправительственных организаций – может проявлять меньше озабоченности потенциальными злоупотреблениями профессиональной автономией.

На стыке культурно-идеологической и организационно-институциональной ипостасей профессионального сообщества находятся профессионально-этические кодексы, которые закрепляют идеал служения и конкретизируют нормы, которые регулируют поведение профессионала, принадлежащего к определенной сфере деятельно-

сти. Они указывают на типичные способы, которыми профессионал может злоупотребить доверием клиента или способствовать разрушению этого доверия. Кодекс очерчивает сферу ответственности, возлагаемой профессиональным сообществом на своих членов, и, одновременно, демонстрирует обществу те требования, на основе которых представители профессии оценивают друг друга. Другими словами, он является как инструментом саморегуляции сообщества, так и одной из опор, на которых держится высокая репутация его членов, без которой было бы трудно добиться доверия со стороны клиентов и общества в целом.

В своей сугубо организационно-институциональной ипостаси сообщество, используя стимулирующие воздействия и санкции, способствует приведению деятельности профессионалов в соответствие с нормативными ориентирами, закрепленными в кодексах. Даже если сообщество (ассоциация) не осуществляет функций по лицензированию работников определенной трудовой сферы и не имеет существенного влияния на систему подготовки специалистов, сама по себе принадлежность к нему повышает самоуважение профессионала и увеличивает его привлекательность для клиентов на рынке труда. На этой основе формируется его чувствительность к порицаниям и поощрениям, исходящим от организованной группы коллег. В особенности серьезной является угроза формального публичного исключения из ассоциации профессионалов. Но и другие знаки, фиксирующие место специалиста внутри профессионального сообщества или отношение сообщества к нему, имеют большое значение. Еще Парсонс отмечал, что в профессиональной среде символические порицания и вознаграждения весят не меньше, чем финансовые потери и приобретения [25, 464–465]. Если же сообщество имеет функции допуска/недопуска специалиста на рынок труда, то его регулирующая роль оказывается еще большей. Положительная оценка со стороны коллег превращается в условие продолжения профессиональной карьеры.

Почему так важны все три упомянутых выше проявления регулирующей деятельности профессиональных сообществ? Потому что на их основе профессионалы контролируют себя *сами*. Оценка качества профессиональной практики в значительной мере отдана в руки тех самых людей, которые прошли длительную теоретическую и практическую подготовку, придающую ценность профессиональной экспертизе и профессиональному исполнению тех или иных функций. В одной из своих работ по концептуализации ориентированных на практику этических исследований российский теоретик Р.Г.Апресян писал следующее: «Наличие профессиональных ассоциаций, какими

бы они ни были, так существенно, поскольку именно они (а не общество) могут непосредственно и со знанием дела контролировать своих ассоциатов. Но для этого профессиональные ассоциации сами должны утверждать себя в качестве авторитета. Проблематичность последнего обусловлена такой... характеристикой профессии, как автономия. Если профессия по определению должна быть автономной, то как возможно установление, пусть и внутри нее, авторитета? Думается, контroversия, как будто обнаруживающаяся здесь, во многом мнимая: автономия касается именно профессии, причем профессии в ее отношениях с обществом... авторитетом же должна обладать ассоциация, создаваемая профессионалами и призванная... следить за сохранением качества и достоинства профессии» [1, 182–183].

Это рассуждение, на мой взгляд, является довольно точным описанием этической роли и морального значения профессиональных сообществ (ассоциаций) в рамках оптимистического взгляда на трудовую ценность профессий. Однако один его пункт все же приходится подвергнуть сомнению. Это пункт о распределении авторитета и автономии. В свете сказанного видно, что в рамках реконструируемого подхода профессионал, принадлежащий к самоорганизующемуся сообществу, не теряет своей автономии или не лишен ее изначально. Напротив, частичная автономия профессионала по отношению к влиянию клиентов и по отношению к общественному контролю и управлению существует именно на основе автономии профессии, то есть относительной независимости профессиональных ассоциаций от общества. Действительно, профессионал подчиняется авторитету профессионального сообщества и соглашается на его контроль. Однако смысл этого контроля состоит именно в том, что он позволяет выделить и сохранить сферу независимых индивидуальных решений, а также в том, что контрольные функции осуществляются посредством оценок, имеющих все признаки профессиональной экспертизы.

Завершая свою реконструкцию оптимистического подхода к трудовой ценности профессии, я хотел бы упомянуть всего одну конкретную теорию, которая его выражает. На настоящий момент именно она является кульминационным пунктом в его развитии. Это концепция, разработанная в поздний период своего творчества одним из самых известных социологов профессии Э.Фрейдсоном. Он рассматривал профессионализм как один из трех основных подходов к контролю за трудом, наряду с рыночным и бюрократическим его регулированием. В случае с рынком (смитовская модель) постановку задач и условия их выполнения диктует потребитель, в случае с бюрокра-

тическим управлением (веберовская модель) их определяет и отслеживает менеджер. Профессионализм же представляет собой принципиально иной вариант регулирования, который предполагает постановку задач преимущественно теми людьми, которые занимаются определенным видом трудовой деятельности. Это так называемая «третья логика» организации труда. «Свобода суждения и свобода избирать цели своей работы, – писал Фрейдсон, – одушевляют институты третьей логики. Они выражает самую душу профессионализма» [15, 217].

Если представить профессионализм как идеально-типическую модель, то он, по мнению Фрейдсона, включает в себя следующие элементы. «Во-первых, совокупность знаний и умений, которая официально признана в качестве базирующейся на абстрактных понятиях и теориях и требует от того, кто ее использует, значительной свободы выбора; во-вторых, контролируемое участниками определенного вида деятельности разделение труда; в-третьих, контролируемый участниками определенного вида деятельности рынок труда, что предполагает необходимость специальных удостоверяющих квалификацию документов для вступления на этот рынок и участия в карьерной мобильности; в-четвертых, контролируемую участниками определенного вида деятельности систему подготовки специалистов, выдающую такие документы и обеспечивающую обучение, ассоциирующееся с “высокой образованностью” (эта система отделена от обыкновенного рынка труда); в-пятых, идеология, предполагающая служение некоторым трансцендентным ценностям и более высокую значимость исполнения хорошей работы в сравнении с экономическим вознаграждением» [15, 180].

Возражения и альтернативные подходы

Перед тем как принять оптимистическую концепцию профессии в качестве основы для рассуждения о правах профессиональных сообществ и ассоциаций, необходимо обратиться к возможным возражениям против нее. Они формируют гораздо более пессимистический взгляд на профессиональную альтернативу рынку и бюрократии. Первое существенное возражение связано с тем, что позитивный образ автономного профессионала и саморегулирующейся профессии вполне может являться не идеализированным отражением важного элемента обеспечения общественного блага, а идеологией, позволяющей с помощью отсылки к идее общественного блага обосновывать и продвигать групповой эгоистический интерес отдельной социальной группы. В основании притязаний профессиональных сообществ, в соответствии с этим подходом, лежит попытка создать монополизированную сферу предоставления услуг, внутри которой

можно получать максимальный доход и ускользать от общественного контроля и ответственности. Система профессионального образования, механизмы сертификации и формирование профессиональных субкультур являются способом консолидации привилегированной группы и вытеснения конкурентов, а саморегулирование и выдвижение идеала служения высшим ценностям – своего рода дымовой завесой, прикрытием ничем не оправданных привилегий на рынке труда. Под видом третьей логики организации труда скрывается паразитарная социальная практика, пытающаяся отвоевать свои позиции как по отношению к децентрализованному способу реализации общественного блага (свободному рынку), так и по отношению к централизованным формам его достижения (рациональной бюрократии).

Сторонников данной позиции довольно много [19, 20], в определенной степени [3]. Даже упоминавшийся выше Фрейдсон в ранний период своей исследовательской биографии отдал дань ее разработке и защите [14]. Однако она полна очевидных преувеличений и пристрастных суждений. Элементы эксклюзивизма, элитизма и монополии, сопутствующие профессионализации определенной трудовой практики, являются необходимой платой за использование плодов профессиональных знаний и умений, а также за постоянное развитие последних на основе концентрированных и организованных коллективных усилий. Альтернативой весьма относительной социальной закрытости профессиональных групп служит неконтролируемая и жесткая экономическая конкуренция дилетантов или глубоко стандартизированная деятельность специалистов, находящихся под прессом бюрократического контроля. Я вполне согласен с поздним Фрейдсоном, утверждавшим, что восприятие профессионализма в качестве простого способа монополизации рынка услуг и обеспечения привилегий элитной группе базируется на недопонимании профессии как сложной системы элементов, которые уравновешивают недостатки друг друга, а взятые вместе могут уравновешивать недостатки свободного рынка и менеджерияльного управления обществом. Поэтому реальная проблема социального дизайна состоит не в том, должны ли существовать автономные профессионалы и автономные профессии, а в том, как обеспечить границы и способы оптимального использования обществом феномена профессионализма. «Профессиональные институты, – замечает Фрейдсон, – подвержены злоупотреблениям со стороны профессий, но они являются всего лишь маской группового эгоизма и незаконно полученной власти» [15, 208]. Поиск границ должен быть чувствителен по отношению к конкретной общественной ситуации, в которой складывается уни-

кальное соотношение трех социальных сил: рынка, бюрократии и профессионализма³.

Второе возражение опирается на предположение о том, что профессионализм в том виде, как он представлен в рамках идеальной модели Фрейдсона, является ностальгической идеализацией. В таких формах профессиональная деятельность существовала лишь в определенный момент времени и в определенных социокультурных ареалах. В качестве модели выступают медицина и юриспруденция англоязычных стран позапрошлого и значительной части прошлого века. Такое локальное явление не может рассматриваться как образец и как нечто соразмерное рынку и бюрократическому управлению. Оно не может быть воспроизведено повсеместно, в особенности в современном социально-экономическом контексте. Дополнительную убедительность тезису о локальном характере саморегулирующихся форм профессиональной деятельности придает анализ дискурса профессионализма в современном обществе. На рубеже XX–XXI вв. возникло и было неплохо обосновано предположение о том, что идеал профессионализма поддерживается и внедряется не только изнутри «третьей логики» организации труда и усилиями профессиональных сообществ, но и усилиями государственных бюрократических структур и менеджеральных структур бизнеса, исходя из их собственных потребностей. В этой связи исследователи обсуждают разные формы профессионализации и разные типы профессионализма. Государственная бюрократия и менеджерский состав корпораций заинтересованы в эффективных средствах дистанцированного контроля над работниками, и работник, воспринявший некоторые элементы идеала профессионализма, оказывается в этом отношении очень удобен. Он ориентирован на независимую ценность добросовестной работы и символические формы отображения высокой квалификации, что позволяет обеспечить существенную экономию на усилиях по контролю и расходах по материальному стимулированию. При этом автономия на рабочем месте должна быть представлена усеченно, а самоорганизация и саморегуляция профессии – занять стро-

³ В этом смысле показательна судьба самого Фрейдсона. Его переход от критики к защите профессионализма был связан не столько с каким-то теоретическим прозрением, сколько с изменением общественных трендов. К середине XX в. господство некоторых профессиональных групп, действительно, стало напоминать простые привилегии за общественный счет, и он выступал как их критик. Однако позднее, когда менеджеральное и рыночное наступление начало угрожать гибелью профессионализму и профессиональным сообществам, он бросился на защиту последних (подробнее см.: [5, 104–105]).

го локализованную нишу (распределение знаков отличия, наложение этических санкций, связанных с нарушением трудовой дисциплины и т.д.). Такого рода профессионализм (для его обозначения часто используется понятие «организационный профессионализм») и такая профессионализация (некоторые исследователи применяют термин «профессионализация сверху») не создают коллективных субъектов, способных вступать в переговоры с управленческим аппаратом бизнеса или государства, отстаивая свою независимость. Отсюда следует, что рассуждения об автономии профессионала и автономии профессии являются всего лишь прикрытием одной из форм централизованного трудового дисциплинирования, граничащей с эксплуатацией. Они включены в своего рода менеджериальную игру, призванную умерить претензии наемных работников на основе использования позитивно заряженного концепта «профессионал» (исток притягательности которого уходит в давно отживший свое культурный контекст) – описание позиции см.: [12, 786–789], артикуляцию – [13], [21].

В ответ на последнее утверждение можно указать на то, что при очевидном наличии описанной выше тенденции «организационный профессионализм» и «профессионализация сверху» не являются единственными формами профессионализма и профессионализации. Есть и параллельный процесс, идущий изнутри сообществ, пытающихся воплотить «третью логику». Существуют специальности, в которых образцы самоорганизации и самоконтроля, сложившиеся в предшествующие пару столетий и нашедшие кульминационное выражение в англо-американском культурном контексте, сохраняются в более или менее полном виде. Есть такие специальности, для которых, по замечанию Фрейдсона, две противоположных логики организации труда просто не смогли сформировать альтернативный и при этом хоть сколько-то эффективный способ существования [15, 208]. А кроме того, «организационный профессионализм» и «профессионализация сверху» не так уж безнадежны в отношении своей инструментальности и усеченности. Формируемые ради осуществления прагматических целей эффективного управления они вполне могут стать при определенных условиях реальным средством выражения «третьей логики», породить сообщества (ассоциации), пусть не столь влиятельные и независимые, как сообщества юристов, врачей или нотариусов, но все же выступающие в качестве реальных коллективных субъектов.

Третье возражение опирается на критику исходного понятия в связке «автономия профессионала – автономия профессии – общественное благо» – понятия «автономия профессионала». Это возра-

жение попытался обосновать известный американский специалист по профессиональной этике М.Дэвис. По мнению Дэвиса, говоря об автономии профессионала, мы должны обсуждать возможность считать его автономной личностью, несмотря на то, что он подчиняется профессиональным этическим стандартам. Такая возможность существует, поскольку выбор профессии добровольен и является рациональным. Рациональность самоограничения на основе правил профессиональной этики определяется тем, что профессионал получает выгоды от своего статуса и, значит, имеет все основания ради сохранения репутации профессии соблюдать ее этический кодекс. При таком понимании профессиональной автономии внешние угрозы ей возникают только тогда, когда работодатель требует чего-то прямо противоречащего этическому кодексу профессии (например, подмены каких-то технических данных в инженерной практике). Неподчинение такому требованию как раз и позволяет специалисту сохранить свою профессиональную автономию. Однако случаи, когда за нее приходится бороться и даже просто задумываться о ней, по Дэвису, являются очень несчастными [7, 453–455]. В литературе по профессиональной этике Дэвисово понимание автономии профессионала принято называть «узким». У него нет таких далеко идущих следствий, как в рамках теоретической схемы, реконструированной мной в предыдущем разделе статьи. Поэтому для Дэвиса и вопрос саморегулирования профессий не является сколько-нибудь острым.

Модель понимания профессионализма, кульминирующую в идее «третьей логики» Фрейдсона, Дэвис воспринимает как сугубо социологическое описание механизмов самосохранения некоторых профессиональных сообществ. Оно, по мнению Дэвиса, обобщает признаки некоторых видов трудовой деятельности, произвольно названных профессиями [6, 28]. Его собственная концепция профессии момент саморегулирования профессиональных сообществ не акцентирует. Он называет ее «сократовской», то есть пытающейся ассимилировать все интуиции, касающиеся природы профессионализма, и обобщает в следующей формулировке. «Профессия есть совокупность индивидов, принадлежащих к одному и тому же роду деятельности, добровольно организовавшихся для того, чтобы зарабатывать на жизнь, открыто служа определенному моральному идеалу морально допустимыми способами, но за пределами того, что на обязательной основе требуют юридический закон, рынок, мораль и общественное мнение» [6, 29].

Если обсуждать исключительно корректность способов, которыми в профессиональной этике используется понятие «автономия», то позиция Дэвиса имеет ряд преимуществ. Она поддерживает пря-

мую связь с философскими определениями автономии и вырастает из их анализа. Однако дело не в терминах, а в стоящем за ними содержании и в его значимости для понимания особенностей профессиональной практики. На месте слова «автономия» могло бы возникнуть и какое-то другое. Иветтс, к примеру, предлагает вести речь о «высокой степени дискреционности» [11]. Можно было бы говорить о трудовой независимости или о чем-то еще. Но это не меняет существа дела: независимость профессионала нужна для эффективного использования его знаний и умений, и она, в свою очередь, требует независимости сообщества, обладающего авторитетом в отношении своих членов. Вполне возможно, что в разных специальностях и практических контекстах нужна разная степень этих двух видов независимости, но ее общественную ценность невозможно отрицать⁴.

Что же касается интерпретации Дэвисом определений профессии в духе Фрейдсона, то она просто не совсем им соответствует. Они являются не произвольным описанием частных явлений, обобщенным до универсальной модели, а целостной нормативной концепцией профессии. Свойства, ярко представленные в медицине и некоторых областях юриспруденции, соотнесены в таких определениях с общественным благом и обобщены до одного из центральных способов его достижения. Эту методику выстраивания идеальной модели профессии лучше всего выразил Т.Дональдсон, предложивший не просто соотносить свойства профессиональной практики с общественным благом, а проводить их через воображаемую договорную процедуру, легитимизирующую каждое из них в отдельности и итоговый способ их сочетания [8, 88].

Обязанность подотчетности и институционализированное недоверие

Опираясь на проведенный выше анализ подходов к проблеме автономии профессионала и автономии профессии, я попытался сформулировать ответ на третий вопрос экспертизы. Так как мне представляется, что оптимистический взгляд на трудовую ценность профессии и идеальная модель «третьей логики» имеют очень веские основания, а претензии к ним могут сформировать лишь достаточно важные, но при этом частные поправки, то я посчитал себя

⁴ Кстати говоря, если в требования профессиональной этики входит защита профессионалом своей независимости («повышенной дискреционности» своей деятельности) в качестве неотъемлемой своей прерогативы, то «узкое» понимание автономии профессионала вновь оказывается чрезвычайно «широким».

вправе использовать именно их в качестве теоретического фундамента экспертизы. Дополнительным обстоятельством, свидетельствующим в пользу такого подхода, было то, что экспертиза касалась такого вида деятельности, который традиционно служит в качестве одного из парадигмальных примеров «третьей логики» – адвокатской практики. Здесь связь автономии профессионала, автономии профессии и общественного блага (в виде эффективной реализации права граждан на защиту в суде) пронизывает всю идеологию профессионального сообщества.

Поэтому первая часть ответа на третий вопрос адвокатской коллегии выглядела следующим образом. «Профессиональная этика приобретает свою действенность при наличии реальной независимости профессиональных ассоциаций в вопросах разработки этической нормативной документации, формирования этических органов и применения этических санкций. Ассоциации обладают авторитетом в отношении своих ассоциантов, то есть признаваемым ассоциантами полномочием выносить этическую оценку некоторых их поступков. Казалось бы, такой авторитет противоречит лежащему в основе феномена профессионализма принципу автономии. Как известно, профессионал выступает в качестве эксперта, который должен быть свободен от любых форм внешнего давления, включая давление различных общественных институтов и его собственных клиентов. Иначе он не сможет качественно выполнять свои экспертные функции. Однако дело в том, что авторитет профессионального сообщества в отношении своих членов является скорее основой автономии, чем угрозой ей. Ведь условием отказа общества от непосредственного контроля за деятельностью профессионалов служит именно обоснованная надежда на то, что те смогут организовать эффективную систему этической саморегуляции. Автономия профессионала зиждется на автономии профессии, а автономия профессии не мыслима без полномочий сообщества выносить оценку деятельности своих членов. Только так могут быть сохранены качество и достоинство профессии».

Однако существует дополнительный аспект функционирования профессиональных сообществ, заставивший меня ввести в свой ответ на третий вопрос адвокатской коллегии вторую часть. В завершение данного исследования я хотел бы обратить внимание именно на него. Механизмы «третьей логики» опираются на доверие профессионалу со стороны тех, чьи интересы и потребности он обслуживает, применяя специализированное знание, и на доверие к профессиональному сообществу, которое занимается подготовкой, воспитанием, сертифицированием, обеспечением возможностей про-

фессионального роста своих членов и, в определенной мере, контролем над качеством их деятельности. Однако формирование песимистического подхода к пониманию трудовой ценности профессионализма не является случайностью. Там, где имеет место доверие, возможно и систематическое злоупотребление им как индивидами, так и коллективами. Если монополизация определенной сферы деятельности под прикрытием идеологии профессионализма и не является выражением самой сути саморегулирующихся профессий, то она явно представляет собой возможное искажение этой сути и создает угрозу позитивной общественной роли профессионализма. Профессиональное сообщество, в особенности получающее в свои руки функции сертифицирования специалистов, должно быть социально ответственным. А для обеспечения социальной ответственности сообществ их внутренних ресурсов, ресурсов саморегуляции, может не хватить. И в случае существенных сбоев в этом отношении общество должно обладать механизмами выявления недостаточно ответственной практики сообществ и ее коррекции.

Эта задача является парадоксальной – необходимо обеспечить общественный контроль над отношениями, которые по своей сути строятся на доверии. В социальной теории она часто рассматривается как одна из ключевых задач, стоящих перед любым демократическим обществом, стремящимся минимизировать полицейский и бюрократический контроль и, одновременно, сохранить пользующиеся доверием граждан общественные институты. Подчас она именуется задачей «институционализации недоверия» или «институционализации права граждан на недоверие». Ее активно обсуждали Дж. Брейтуэт и П.Штомпка (см.: [4, 26]). Институты выражения недоверия нацелены на формирование у разных общественных субъектов такого элемента их социальной ответственности, как обязанность отчитываться перед обществом в своих действиях или просто «подотчетность» («accountability»). П.Штомпка в этой связи призвал дизайнеров социального устройства искать «порог» или «среднеоптимальный уровень редких, но наглядных действий институтов подотчетности», посылающих гражданам двойное символическое послание: «а) такие институты бодрствуют и находятся в рабочем режиме... б) их действие необходимо не слишком часто, что свидетельствует о маргинальном характере патологий и о том, что в принципе доверие обоснованно» [26, 288]. В современной профессиональной этике (медицинской, юридической, журналистской, университетской и т.д.) обсуждение обязанности профессионалов давать отчет о своей деятельности и необходимости создать институционализированные возможности для проявления общественного недоверия к отдельным

профессионалам и объединяющим их ассоциациям в последние два десятилетия становится все более и более активным (см.: [9, 18, 22, 23]). Среди форм вынужденного и выборочного институционального контроля над деятельностью профессионалов упоминаются как общественный мониторинг, так и судебные разбирательства (подобные тому, с которым было связано мое экспертное заключение). При этом часто делается оговорка, что применение мер внешнего контроля должно быть последовательно нарастающим, зависящим от нарастания общественного недоверия к сообществу.

Именно поэтому, не имея информации о состоянии дел в конкретной профессиональной ассоциации и отвечая на порожденный практической коллизией, но все же общий и теоретический вопрос, я вынужден был сформулировать в заключение следующий развернутый тезис. «Однако необходимо учитывать, что перед нами идеальная модель или, вернее, описание идеальной ситуации. Взаимная поддержка автономии профессионала и автономии профессионального сообщества имеет место лишь в том случае, когда сообщество сохраняет свой «социально ответственный» характер и не превращается в замкнутую корпорацию, служащую корыстным (или корыстно-имиджевым) интересам отдельных групп и индивидов. На этот случай у общества должны быть средства воздействия на профессиональное сообщество, позволяющие корректировать его отдельные решения, менять институциональные структуры и нормативную основу функционирования. Параллельно должна существовать система общественного мониторинга деятельности профессиональных сообществ. Она призвана определять те моменты, когда иммунитет сообществ в вопросах этического регулирования перестает действовать». Данный тезис несколько расходился с задачей, которую ставила перед собой на суде профессиональная ассоциация, однако для отражения реального состояния дел в теории профессиональной этики он был совершенно необходим.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Вид на профессиональную этику // *Общепрофессиональная этика. Ведомости.* Вып. 25 / Под ред. В.И.Бакштановского, Н.Н.Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2004. С. 166–187.

2. *Бакштановский В.И.* Самопознание *высокой* профессии как задача императивно-ценностных документов университета // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2012. № 3 (34). С. 7–10.

3. *Abbott A.* The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labour. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
4. *Braithwaite J.* Institutionalizing Distrust, Enculturating Trust // Trust and Governance / Ed. by V.Braithwaite, M.Levi. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2003. P. 343–375.
5. *Brint S.* Saving the ‘Soul of Professionalism’: Freidson’s Institutional Ethics and the Defense of Professional Autonomy // Knowledge, Work & Society. 2006. Vol. 4. № 2. 100–129, 104–105.
6. *Davis M.* Is Public Administration a Profession? // Public Administration Research. 2013. Vol. 2. № 2. P. 26–36.
7. *Davis M.* Professional Autonomy: A Framework for Empirical Research // Business Ethics Quarterly. 1996. Vol. 6. № 4. P. 441–460.
8. *Donaldson T.* Are Business Managers ‘Professionals’? // Business Ethics Quarterly. 2000. Vol. 10. № 1. P. 83–94.
9. *Emanuel E.J., Emanuel L.L.* What Is Accountability in Health Care? // Annals of Internal Medicine. 1996. Vol. 124. № 2. P. 229–239.
10. *Evetts J.* A New Professionalism? Challenges and Opportunities // Current Sociology Review. 2011. Vol. 59. № 4. P. 406–422.
11. *Evetts J.* New Directions in State and International Professional Occupations: Discretionary Decision-Making and Acquired Regulation // Work, Employment, and Society. 2002. Vol. 16. № 2. P. 341–353.
12. *Evetts J.* Professionalism: Value and Ideology // Current Sociology Review. 2013. Vol. 61. № 5–6. P. 778–796.
13. *Fournier V.* The Appeal to ‘Professionalism’ as a Disciplinary Mechanism // Social Review. 1999. Vol. 47. № 2. P. 280–307.
14. *Freidson E.* Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Applied Knowledge. N.Y.: Dodd, Mead & Co., 1970.
15. *Freidson E.* Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001.
16. *Goode W.J.* Community Within a Community: The Professions // American Sociological Review. 1957. № 2. Vol. 22. P. 194–200.
17. *Hughes E.C.* The Professions // Daedalus. 1963. Vol. 92. № 4. P. 655–668.
18. *Johnsson L., Eriksson S, Helgesson G., Hansson M.G.* Making Researchers Moral: Why Trustworthiness Requires More Than Ethics Guidelines and Review // Research Ethics. 2014. Vol. 10. № 1. P. 29–46.
19. *Larkin G.* Occupational Monopoly and Modern Medicine. London: Tavistock, 1983.
20. *Larson M.S.* The Rise of Professionalism. Berkeley: University of California Press, 1977.

21. *McClelland C.E.* Escape from Freedom? // The Formation of Professions: Knowledge, State and Strategy / Ed. by M.Burridge and R.Torstendahl. London: Sage, 1990. P. 97–113.

22. *Meyer L.H.* Negotiating Academic Values, Professorial Responsibilities and Expectations for Accountability in Today's University // Higher Education Quarterly. Vol. 66. № 2. P. 207–217.

23. *Newton L.H., Hodges L., Keith S.* Accountability in the Professions: Accountability in Journalism // Journal of Mass Media Ethics. 2004. Vol. 19. № 3–4. P. 166–190.

24. *Parker C., Evans A.* Inside Lawyers' Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

25. *Parsons T.* The Professions and Social Structure // Social Forces. 1939. Vol. 17. № 4. P. 457–467.

26. *Sztompka P.* Does Democracy Need Trust, or Distrust, or Both? // Transparenz: Multidisziplinäre Durchsichten durch Phänomene und Theorien des Undurchsichtigen // Hrsg. S.A. Jansen, E.Schroeter, N.Stehr. Berlin: Springer, 2010. S. 284–291.

27. *Tawney R.H.* The Acquisitive Society. N.Y.: Harcourt Brace, 1920.

28. *Weingartner R.H.* Moral Dimensions of Academic Administration. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999.